

Экзистенциальная боль русской литературы: XIX век

Российское общественное мнение, начиная с XIX века, судит о национальном характере русского народа не по реальной истории, а по художественной литературе и публицистике. Общепринятым стало мнение, что герои русской литературы выражают типы национального характера. Причины этого кроются и в самоощущении литераторов, и в общественном мнении. У художественной литературы – свои творческие задачи, не совпадающие с потребностями изображения «реальной» жизни. Однако это не мешало самим писателям полагать, что они изображают вполне «реальную» жизнь. С другой стороны, общество было образовано в традиции культуры «русского Запада», поэтому могло судить о российской истории и национальном характере через призму своих иллюзий и мифов.

Русская литература XIX века была шире потребности экзистенциального самоутверждения культурного сословия. Великая литература была ответом на вечный зов творчества, что не мешало литературе выражать экзистенциальную заботу образованного общества. Художественная литература выражала не столько проблемы русского народа, сколько проблемы образованных слоёв, отражала не самоощущение народа, а попытки самосознания культурного общества. Поэтому дворянскую литературу нельзя воспринимать как исторически-реалистическую, изображающую эпоху, ибо вне её поля зрения оказались целые пласты русской жизни и истории: быт различных сословий, православные традиции, развитие мощной государственности, колонизация и цивилизация огромных суровых пространств.

«Психология русского народа была подана всему читающему миру сквозь призму дворянской литературы и дворянского мироощущения. Дворянин нераскаянный – вроде Бунина, и дворянин кающийся – вроде Бакунина и Лаврова, все одинаково были чужды народу. Нераскаянные – искали на Западе зланных мест, кающиеся – искали только зланных идей. Нераскаянные говорили об азиатской русской массе, кающиеся – об азиатской русской монархии, некоторые (Чаадаев) – об азиатской русской государственности вообще. Но все они не хотели, не могли, боялись понять и русскую историю, и русский дух» (И.Л. Солоневич). Необходимы своего рода психоанализ и духоанализ русской литературы. В проекции социальной психологии литература даёт характеристику типов образованного человека и образ простого человека, который измышлял себе человек образованный. Поэтому по русской литературе нельзя изучать характер времени и характер русского народа.

Герои русской литературы – это образы не реальных людей и отношений, а отражение проблем, которые мучили образованное общество. Эта литература не натуралистическая и не реалистическая, а экзистенциальная. Если западные писатели изображали по преимуществу то, что видели, то русские описывали то, что чувствовали. Русская литература изображает внутреннюю судьбу автора, историческое положение и статус его сословия, его место в истории и культуре своего народа, а только затем – отношение автора к немым и несмысленным (по характеристике Бердяева) слоям населения. Внутренняя жизнь немых сословий во многом осталась тайной для русской литературы. Разгадка народной тайны заботила всю русскую умственную культуру и поэтому – литературу.

В свете экзистенциальной заботы образованного общества можно определить большие вопросы русской литературы:

1. Обретение и осознание образованным обществом собственного

исторического места и статуса.

2. Проблема народа, к народу и в народ – попытки осознать историческую вину и поиски путей искупления.
3. Попытки вернуть родину земную – соприкоснуться с традиционной отечественной культурой.
4. Стремление вспомнить о родине Небесной: поиск христианских истоков культуры, абсолютных духовных устоев и незыблемых нравственных ценностей, актуальные ответы на вечные вопросы.

На высоте этих вопросов литературе открывалась основная духовная трагедия эпохи – нашествие духов ложной социальности (духов злобы поднебесных, мироправителей тьмы века сего) на Россию, миссия России в борьбе с новыми формами мирового зла.

Это основные грёзы русской литературы, в которых она разделяла многие заблуждения образованных слоёв. Но русская классическая литература смогла вырваться из экзистенциальных пут сознания образованного общества. Она совершила первый шаг, но в нём стала великой и непревзойдённой, и этим – литературой подлинно русской. Русская умственная культура через классическую литературу к XX веку сумела обнаружить симптомы собственной болезни, но не смогла поставить ей полный диагноз и предложить средства избавления. Она вырвалась к духовным реальностям и прикоснулась к религиозным основаниям национальной культуры. Но прикоснулась робко, что вызвало «головокружение» культуры, которое проявилось в начале XX века в двойственности и подменах, характерных для писателей религиозного ренессанса.

Русская литература содержит смесь гениальных прозрений и пророчеств с расхожими заблуждениями времени. Её прозрения – в беспрецедентном для европейской литературы прорыве к христианским истинам о Боге, человеке и мире. Основным же заблуждением русской литературы, обусловленным экзистенциальным статусом писателей, были недостаточное знание душевной жизни и духовных корней народа, неумение увидеть своеобразные его достоинства и приписывание ему собственных недостатков. «Иван Солоневич сделал горький упрёк русской литературе в том, что она просмотрела Россию. Если бы кто решил узнать Россию по русской литературе и для того перечитал бы всех тех писателей, кого принято называть классиками, – его усердие, конечно же, было бы вознаграждено многими вдохновенными страницами. Но что же бы узнал сей читатель о сей стране?! Он узнал бы о “лишних людях”, о “мёртвых душах”, о “героях нашего времени”, о “тёмном царстве”. Но где же “живые души”, где “не лишние” люди? Кто строил это великое государство, кто защищал его, кто молился за него? Кто полагал душу свою за Веру, Царя и Отечество? Как это ни печально, но из русской литературы мы не узнаем Православной России, не узнаем её сокровенных молитв, её “жизни во Христе”, её духовных подвигов, её праведников. Русская литература не воспела осанну Богу за все Его милости и щедроты, ниспосланные нашему возлюбленному отечеству. (Конечно, были Достоевский, поздний Гоголь, Лесков, Аксаков. Но они оставались отдельными голосами. Хор пел другую партию.) Сколько страниц потрачено на упражнения в социальной критике, сколько сил положено на обличение пороков и вскрытие язв, сколько желчи и претензий к родной земле. “Ты и могучая, ты и бессильная”. Но писали больше о “бессильной” и “немой”. Русская литература тяжко согрешила ропотом. Чего стоит один вопрос “Кому на Руси жить хорошо?”. Во многом именно литература создала

образ России как “тёмного царства”, населила её “держимордами”, построила в ней “город Глупов”. Такую “отсталую европейскую провинцию” оставалось только европеизировать революционными средствами. Свет России православной был увиден только тогда, когда Русская земля оказалась “за шеломянем еси”. На неё пришлось уже оглядываться, смотреть с других берегов. “Что имеем – не храним, потерявши – плачем” – эти пушкинские слова Шмелёв обращал к русской эмиграции.

О характере русского народа отечественное и, вслед за ним, зарубежное общественное мнение судило по тому, что высказали на этот счёт русская художественная литература и публицистика, которые воспринимались как достаточный источник. Поэтому всё, что принято вычитывать в литературе и публицистике о характере русского народа, нуждается в ревизии и преломлении.

«Великий писатель Толстой утверждал, что мужик в реальности никогда не говорит так, как он говорит у Горького: его-де речь туманна, запутана и пересыпана всякими таво да тае... Мужик же говорит в разных случаях по-разному. Разговаривая с баринном, которого он веками привык считать наследственным врагом, мужик, естественно, будет мычать: зачем ему высказывать свои мысли? Отсюда и возник псевдонародный толстовский язык. Но вне общения с баринном – речь русского мужика на редкость сочна, образна, выразительна и ярка. Этой речи Толстой слышать не мог. Он, вечный Нехлюдов, всё пытался как-то благотворить мужику барскими копейками – за счёт рублей, у того же мужика награбленных. Ничего, кроме взаимных недоразумений, получиться не могло... Толстой – самый характерный из русских дворянских писателей. И вы видите: как только он выходит из пределов своей родной, привычной дворянской семьи, всё у него получает пасквильный оттенок: купцы и врачи, адвокаты и судьи, промышленники и мастера – всё это дано в какой-то брезгливой карикатуре. Даже и дворяне, изменившие единственно приличествующему дворянскому образу жизни – поместьем и войне, – оказываются никому не нужными идиотиками (Кознышев). Толстой мог рисовать усадьбу – она была дворянской усадьбой, мог рисовать войну – она была дворянским делом, но вне этого круга получалась или карикатура, вроде Каренина, или ерунда, вроде Каратаева... Толстой сам признавался, что ему дорог и понятен только мир русской аристократии. Но он не договорил: всё, что выходит из пределов этого мира, было ему или неинтересно, или отвратительно.

Суть этого трагического исторического недоразумения в том, что и сами русские писатели, и российское общественное мнение, а вслед за ним и европейское неадекватно воспринимали смысл того, что русская литература говорит о характере и судьбе своего народа. Русская классика сделала грандиозный, но только первый шаг в познании русским образованным обществом духовных устоев своего народа. Дальнейший путь был очень длинен, ибо широка была пропасть, вырытая за два столетия отчуждения. Великие достижения великой литературы в том, что она совершила поворот к православным и национальным истокам, будила религиозную совесть общества, разоблачила многие его заблуждения и пороки, вскрыла существенные противоречия жизни, впервые указала на смертельную опасность духовных болезней, обрушивающихся на христианский мир.